

Меж двух жерновов: суррогатное материнство в оптике христианской религиозной этики и светского права

© Е.В. Брызгалина, А.В. Гончаренко

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, 119991, Россия

Рассмотрено суррогатное материнство сквозь призму христианских религиозных учений и правовых норм. Проанализированы скрытые противоречия, возникающие при столкновении этико-религиозных воззрений и современных юридических подходов. Особый акцент сделан на исследовании позиций христианских конфессий относительно применения вспомогательной репродуктивной технологии суррогатного материнства, а также на выявлении конфликтных моментов между религиозными канонами и светским правом. Подробно освещен международный и национальный правовой опыт в сфере регулирования суррогатного материнства на примере США, Европы и России, выявлены законодательные пробелы и сложности правоприменительной практики. Показано, как различия в религиозно-этических подходах существенно влияют на формирование моделей правового регулирования — от абсолютного запрета до либеральных подходов. Предложены возможные пути взаимного понимания секуляризованных государств и религиозных конфессий.

Ключевые слова: суррогатное материнство, репродуктивные права, религиозная этика, правовое регулирование, биоэтика, вспомогательные репродуктивные технологии, семейное право, религиозные нормы, права человека

Суррогатное материнство как одна из современных репродуктивных технологий продолжает оставаться предметом активных дискуссий, находясь на пересечении медицины, права и религии. Его активное развитие в мировом масштабе сопровождается глубокой трансформацией традиционных представлений о родительстве, семейных ценностях и моральных нормах, что порождает сложные этико-правовые вопросы. В условиях глобализации и расширения международного рынка репродуктивных услуг противоречия между религиозными учениями и светским законодательством приобретают особую остроту.

Сложившиеся на протяжении веков религиозные традиции нередко вступают в противоречие с динамично развивающейся правовой сферой, создавая серьезные проблемы как для законодателей, так и для практикующих юристов и верующих граждан. Христианство как крупнейшая мировая религия демонстрирует принципиальное единство разных конфессий в оценке моральной допустимости

суррогатного материнства, что отражается на правовом регулировании применения данной технологии в некоторых странах.

Правовой аспект проблемы осложняется отсутствием единых международных стандартов: тогда как одни государства разрешают суррогатное материнство (коммерческое и некоммерческое), другие вводят его полный запрет, что способствует развитию «репродуктивного туризма» и ведет к коллизиям в сфере международного частного права. Настоящее исследование направлено на анализ указанных противоречий и поиск путей их разрешения через применение междисциплинарного подхода.

Вопрос человеческой репродукции является краеугольным камнем в развитии любого социума и цивилизации. Бесплодие как обоюдоострая проблема для семьи и государства нуждается в эффективном лечении. Одним из методов вспомогательных репродуктивных технологий является суррогатное материнство. Под суррогатным материнством понимается «добровольное вынашивание (как правило, за вознаграждение) женщинами плодов, полученных после оплодотворения донорских яйцеклеток донорскими сперматозоидами и перенесенных в матку реципиента, при искусственной инсеминации» [1, с. 422]. Вероятность наступления беременности с помощью указанной технологии приблизительно равняется 40 % [2, с. 145], но одновременно данная технологическая реальность порождает широкую палитру этических проблем: от религиозных до правовых.

Традиционные религиозные конфессии достаточно много внимания уделяют внутренним и внешним проявлениям человека как субъекта. Вопросы, касающиеся человеческой репродукции, с точки зрения большинства религиозных конфессий выходят за рамки «обыденных» вопросов этического восприятия медицинских манипуляций. Рассмотрим отношение к суррогатному материнству в дискурсе различных христианских конфессий как в теологическом, так и религиозно-практическом аспектах.

Библия, являющаяся принципиально биоцентричным текстом, с первых страниц подчеркивает значимость как человека, так и его телесности. В начале книги Бытия указано, что Бог сотворил первым именно человеческое тело: «И создал Господь Бог человека из праха земного и вдунул в лицо его дыхание жизни, и стал человек душою живою» (Быт. 2:7) [3, с. 6]. Следовательно, любые манипуляции, выходящие за грань естественного порядка размножения, справедливо приравнять к акту богоподражательного «нового сотворения» человека, к которому надлежит относиться с трепетом, свойственным традиционному зачатию в супружеской паре.

Некоторые сторонники суррогатного материнства делали попытки рассмотреть библейские сюжеты книги Бытия об Аврааме, Саре

и служанке Агари (Быт. 16) [3], а также Иакове с его женами Рахилью, Лией и служанками Валлой и Зелфой (Быт. 30) [3] как архетип института суррогатного материнства в Священном Писании. Данное сравнение, по мнению авторов настоящей статьи, является некорректным по целому ряду оснований. Во-первых, подобная «выборка» из Ветхозаветных текстов несет в себе попытку найти священное обоснование современной медицинской практике, игнорируя иные реалии жизни общества, описанного на страницах Ветхого Завета. Например, народный самосуд и казнь за прелюбодеяние, колдовство, аборт и т. д. (Лев. 20). Во-вторых, никто из указанных участников библейских событий не делал ЭКО и не отказывался от материнских прав на ребенка. Подобный перенос и «подгон» практик архаичного общества к лекалам текущего дня — попытка некоторых лиц придать своему интересу священный статус.

В зависимости от момента признания соединения души с телом в различных христианских конфессиях происходит наделение «сакральным статусом» половых гамет. В связи с этим соответственное значение обретают слова Священного Писания: «И с женою ближнего твоего не ложись, чтобы излить семя и оскверниться с нею» (Лев. 18:20) [3, с. 137], «Зародыш мой видели очи Твои; в Твоей книге записаны все дни, для меня назначенные, когда ни одного из них еще не было» (Пс. 138:16) [3, с. 663].

Следует отметить, что забор мужских половых гамет для осуществления целей суррогатного материнства чаще всего происходит путем мастурбации, именуемой в церковной лексике малакией. Эта сексуальная практика считается греховной как в католическом, так и в православном сознании с опорой на слова Священного Писания: «Бегайте блуда; всякий грех, какой делает человек, есть вне тела, а блудник грешит против собственного тела. Не знаете ли, что тела ваши суть храм живущего в вас Святого Духа, Которого имеете вы от Бога, и вы не свои?» (1 Кор. 6:18–19) [3, с. 1389]. Таким образом, в технологии суррогатного материнства выявляется конструкция двойного греха.

Крупнейшая христианская конфессия — Римско-католическая церковь выступает против суррогатного материнства. Данная позиция закреплена в инструкции *Donum Vitae* Конгрегации доктрины веры Римско-католической церкви 1987 г., отмечается недопустимость применения этой технологии по причине противоречия «единству брака и достоинству человеческого воспроизводства» [4]. Папа Иоанн Павел II в пасхальном обращении того же года резко высказывался против «замещающего материнства» [5], а в 1988 г., выступая в Европейском суде по правам человека, развил обличающий тезис [6, с. 81].

Мировое православие, в частности Русская православная церковь Московского патриархата, в одном из базисных документов, принятом на Архиерейском соборе 2000 г., «Основы социальной концепции Русской православной церкви», в гл. XII п. 4 «Суррогатное материнство и иные репродуктивные технологии» обозначило свою позицию: «В мире постепенно вырабатывается отношение к человеческой жизни как к продукту, который можно выбирать согласно собственным склонностям и которым можно распоряжаться наравне с материальными ценностями... Суррогатное материнство... противостоит естественному и морально недопустимо даже в тех случаях, когда осуществляется на некоммерческой основе... Эта методика предполагает разрушение глубокой эмоциональной и духовной близости, устанавливающейся между матерью и младенцем уже во время беременности. Суррогатное материнство травмирует как вынашивающую женщину, материнские чувства которой попираются, так и дитя, которое впоследствии может испытать кризис самосознания... Употребление репродуктивных методов вне контекста благословенной Богом семьи становится формой богоборчества, осуществляемого под прикрытием защиты автономии человека и превратно понимаемой свободы личности» [7, с. 135, 136].

Следует отметить, что крещение младенцев, рожденных путем суррогатного материнства, возможно по благословению епархиального архиерея или, в случае смертельной опасности, без такового [8, с. 33, 34].

Приводимые выдержки из документов церквей, представляющих отношение двух ветвей христианства к институту суррогатного материнства, имеют «высшую юридическую силу» для своей паствы в текущий момент времени. В рамках эkkлeзиoлoгичeских подходов они подкреплены высшим административно-духовным авторитетом: высказывание ex cathedra римского понтифика у католиков, являющееся в соответствии с догматом о непогрешимости проекцией воли Бога по данному вопросу [9, с. 489–491], и постановление Архиерейского собора Русской православной церкви, представляющего высший орган иерархического управления [10]. Следует отметить, что именно епископ в католической и православной христианских традициях является носителем апостольской преемственности, согласно церковному учению.

Отношение других значимых христианских конфессий и деноминаций (например, Англиканской церкви, Российского объединенного Союза христиан веры евангельской (пятидесятников)) к технологии суррогатного материнства в целом тождественно позиции указанных выше христианских церквей.

Рассмотренные христианские конфессии в аргументации против суррогатного материнства делают акцент на целостности брачного союза. Технологическая реальность настоящего времени позволяет

прибегнуть к суррогатному материнству однополым парам («Международное общественное движение ЛГБТ» признано экстремистским и запрещено на территории РФ). Биотехнологические метаморфозы современности, доступные для однополых пар, фактически единодушно порицаемые в христианском мире, за исключением Англиканской церкви, не являются значимым обстоятельством в общем христианском дискурсе по вопросу данной вспомогательной репродуктивной технологии.

Так, завершая рассмотрение института суррогатного материнства в контексте христианского мировоззрения, следует подчеркнуть, что признание данной практики греховной является посылом каждому конкретному человеку. Грех, понимаемый «противлением вечному Закону» в западной традиции [9, с. 489–491] или болезнью в православии [11], препятствует укреплению связи между Богом и человеком. В связи с этим совершение или отказ от греховного деяния представляет собой свободный выбор верующего, берущего на себя ответственность за свои поступки и их последствия как в физическом, так и метафизическом измерении.

Стремительное развитие репродуктивных технологий остро поставило перед различными правовыми порядками вопрос о правовых рамках суррогатного материнства. В результате сегодня мир представляет собой настоящую правовую мозаику, и особенно ярко это видно на примере Европейского союза, где не выработано единого подхода к данному явлению [12].

Правовой конструкт суррогатного материнства начал формироваться в 1980 г., когда адвокат из штата Мичиган Ноэль Кен составил первый договор о суррогатном материнстве. Этот договор был признан недействительным, так как, по мнению властей, плата за рождение ребенка противоречила законам штата и моральным принципам американского общества. Желая избежать недействительности договора, адвокат отправил суррогатную мать с ребенком в штат Кентукки, в котором отсутствовали запреты, касающиеся суррогатного материнства [13, с. 30]. Примечательно, что в настоящее время, несмотря на многолетнее инспирирование ультралиберальной повестки в различные сферы общественной жизни, в некоторых штатах США данная процедура не разрешена законодательно, например в Аризоне, Мичигане, Нью-Джерси, Вирджинии, Нью-Гемпшире [14, с. 109]. В Соединенных Штатах законодательство о суррогатном материнстве не унифицировано: согласно Конституции страны, каждый штат по вопросам здравоохранения принимает законы самостоятельно [15, с. 97–99]. Хотя в США нет единого законодательного регулирования суррогатного материнства, существует обязательный к исполнению для всех штатов Единообразный закон «О статусе детей, зачатых нетрадиционным путем». Данный нормативный акт четко указывает,

что дети — высшая ценность в правовой охране, независимо от способа их зачатия и рождения.

Интересен правовой кейс разрешения коллизионной ситуации, произошедшей в одном из штатов с семейной парой Стерн, получивший название «дело Baby M». В 1985 г. супруги Вильям и Элизабет Стерн прибегли к услугам суррогатной матери, которой стала Мери Бет Уайтхед. Согласно договору, она должна была отказаться от родительских прав на ребенка и передать его генетическим родителям. После рождения ребенка суррогатная мать не отдала его и сбежала с ним. В рамках проведения установленных законом мероприятий в 1988 г. семья Стерн получила родительские права, а Мери Бет Уайтхед — правовое дозволение навещать ребенка [16].

Важно, что не только в некоторых штатах США, но и в ряде других государств, население которых имеет отличающиеся представления в рамках одной христианской культуры, суррогатное материнство запрещено, например, во Франции, Германии, Норвегии, Швеции, Испании, Италии, Хорватии, на Мальте [17, с. 7]. В Великобритании, Канаде и Нидерландах можно заключать договор некоммерческого суррогатного материнства. Однако в современном стремительно меняющемся мире в этой области также происходят трансформации. Например, Португалия, державшая под запретом как коммерческое, так и безвозмездное суррогатное материнство, в 2016 г. одобрила применение технологии суррогатного материнства на безвозмездной основе при наличии исключительных обстоятельств [18, с. 5].

Вопрос суррогатного материнства расколол страны ЕС на два противоположных лагеря. Для одних государств это абсолютно неприемлемая практика, которую они рассматривают не иначе как преступление против человеческого достоинства женщины, вынашивающей ребенка, и самого младенца. Их главный аргумент — риск эксплуатации особенно уязвимых слоев населения. В некоторых случаях коммерческое суррогатное материнство даже приравнивается к торговле людьми, что часто связано с глубокими моральными или религиозными убеждениями [19, с. 612–618]. Другие страны, напротив, не только признают суррогатное материнство, но и защищают, апеллируя к фундаментальным правам человека: праву на создание семьи и праву распоряжаться собственным телом. Для них это вопрос личной свободы и реализации репродуктивных прав.

Однако опыт Франции показывает, что в современном глобальном мире локальный государственный запрет в области суррогатного материнства не является фатальностью. Так, с 1994 г. во Франции действует официальный запрет на суррогатное материнство, закрепленный в статье 16–7 Гражданского кодекса, а также в специальном «Законе о биоэтике» от 1994 г. Подход законодателя Пятой республики основан на двух фундаментальных принципах: неотчуждаемость

человеческого тела, подразумевающая недопустимость выступления тела и его частей в качестве предмета сделки, а также недопустимость распоряжения телом, легшая в основу запрета суррогатного материнства во Франции и предполагающая, что донорство является альтруистическим актом, а вынашивание ребенка для другого человека рассматривается как форма нарушения неприкосновенности тела [20]. Несмотря на запреты, французы используют простой обход собственного законодательства через репродуктивный туризм в зарубежные клиники. После рождения и законодательного оформления новорожденного в документах другого государства в качестве ребенка генетических родителей (заказчиков) по возвращении родителей во Францию местным властям приходится интегрировать эту правовую действительность в реалии жизни.

Похожие сложности возникают в ФРГ — немецкое законодательство по этому вопросу остается достаточно жестким: по законам страны матерью ребенка признается только родившая его женщина, а любая попытка воспользоваться услугами суррогатной матери считается преступлением, предусматривающим тюремное заключение сроком до трех лет. Однако, как и во французской практике, властям Германии приходится сталкиваться с проблемой обхода законодательства. Яркой иллюстрацией стало решение Федерального суда Германии от 23 апреля 2019 г., для вынесения которого судьям пришлось разбираться в установлении юридического происхождения ребенка, рожденного суррогатной матерью на Украине и привезенного в Германию биологическими родителями. Этот случай вновь наглядно показал, как национальные запреты сталкиваются с реальностью международного репродуктивного туризма.

Интересно, что за рубежом преимущественное право отцовства и материнства признается не за суррогатной матерью, а за генетическими родителями. Например, рассмотрим дело Анны Джонсон (США), заключившей договор суррогатного материнства с семейной парой. После рождения ребенка она захотела оставить его себе, подав иск о недействительности договора. Естественно, суд двух инстанций иск не удовлетворил. Основанием для вынесения решения стала экспертиза, подтвердившая родственную связь ребенка с родителями. По мнению авторов настоящей статьи, в исключительных случаях следует оставлять детей с суррогатной матерью, как в истории, произошедшей в Стаффорде (Великобритания) в 1987 г. Вскоре после рождения двойни суррогатная мать утратила репродуктивную функцию и оставила младенцев себе, вернув заказчикам полученное вознаграждение. В ходе разбирательства суд встал на сторону женщины [21, с. 31].

Российская Федерация является одной из немногих стран, в которой суррогатное материнство не только не запрещено, но и закреплено на законодательном уровне. Правовое регулирование применения

данной технологии отражено в следующих нормативных актах: Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223–ФЗ, Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323–ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», Федеральный закон от 15 ноября 1997 г. № 143–ФЗ «Об актах гражданского состояния», а также в Приказе Министерства здравоохранения РФ от 31 июля 2020 г. № 803н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению».

Законодатель закрепил четкие критерии для потенциальной суррогатной матери: ею может стать женщина в возрасте от 20 до 35 лет, уже родившая не менее одного своего здорового ребенка, имеющая соответствующее заключение врачей и подписавшая добровольное информированное согласие [22]. Фактор возрастного ограничения, с одной стороны, снижает риски заболеваний во время беременности и неблагоприятные исходы у плода, а с другой — исключает возможность участия в программе старших родственников и здоровых молодых женщин, не имеющих собственных детей, но желающих помочь бесплодной паре. В связи с этим целесообразным представляется законодательно закреплённая возможность рассмотрения каждого индивидуального случая здоровой женщины, которая желает стать суррогатной матерью, но не подходит под одно или несколько вышеуказанных требований.

В юридической доктрине не раз делались попытки дать определение институту договора суррогатного материнства. Ряд авторов определяли этот договор как соглашение между лицами (супругами), желающими стать родителями, и женщиной (суррогатной матерью), согласившейся за вознаграждение либо без такового на искусственное оплодотворение, вынашивание и рождение ребенка с последующей его регистрацией на имя родителей-заказчиков [23]. Авторы данной статьи выражают единство во мнении с исследователями, считающими, что конструкт данного договора скорее является трехсторонним, включающим генетических (потенциальных) родителей, женщину (суррогатную мать) и медицинскую организацию. Учитывая контекст российских правовых реалий, в конструкт договора суррогатного материнства необходимо внести правовую категорию одинокой женщины. Отсутствие в действующем законодательстве категории одинокого мужчины создает почву для своеобразных правовых прецедентов. Например, в Санкт-Петербурге гражданин С. стал единственным родителем для двойняшек, прибегшим к методу суррогатного материнства. Органы ЗАГС отказали ему в регистрации детей, сославшись на отсутствие указанной правовой категории в законе, но Смольнинский районный суд признал данный отказ незаконным и обязал ответчика зарегистрировать детей. В связи с этим

некоторые исследователи видят необходимым внести категорию одинокого мужчины в тексты нормативных актов. Важно отметить, что понятия именно договора суррогатного материнства в российском законодательстве нет.

В соответствии со ст. 51 Семейного кодекса РФ генетические родители могут быть указаны в свидетельстве о рождении таковыми лишь с согласия суррогатной матери. В этом вновь проявляется неоднозначность инкорпорации в законодательство данной медицинской практики, так как генетические родители, исполнившие условия договора с суррогатной матерью, имеют право получить предмет договора. Именно в этой точке происходит преломление утилитаризма в свете основ гуманизма, не позволяющего относиться к человеку как к вещи. К сожалению, в российских нормативных актах статус ребенка, который рожден с помощью суррогатной матери, не отрегулирован. Нормы Семейного кодекса РФ и ФЗ «Об актах гражданского состояния» определяют лишь процесс установления отцовства и материнства для ребенка, рожденного при помощи суррогатной матери.

Например, в определении Конституционного суда РФ от 15 мая 2012 г. № 880–О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Ч.П. и Ч.Ю. на нарушение их конституционных прав положениями пункта 4 статьи 51 Семейного кодекса Российской Федерации и пункта 5 статьи 16 Федерального закона “Об актах гражданского состояния”» семейная пара не получила удовлетворение исковых требований. Супруги заключили договор с суррогатной матерью, но после рождения ребенок не был передан генетическим родителям, а зарегистрирован на суррогатную мать в органах ЗАГС. Важно отметить, что отказ передавать ребенка является для генетических родителей тяжелым испытанием. Напомним, что основание суррогатного материнства — невозможность иметь детей супружеской парой.

Для полноценности договора суррогатного материнства необходим проработанный механизм компенсации морального вреда и взыскания убытков в случае недобросовестности одной из сторон. Также, по мнению авторов настоящей статьи, при рассмотрении конструкта суррогатного материнства в России с утилитарных позиций необходимо внимательнее отнестись к возрастному цензу, т. е. допустимости суррогатного материнства в 35 лет, делая акцент сугубо на состоянии здоровья. Также следует отметить положительные новеллы в российском законодательстве, пришедшие через Приказ Минздрава России № 107 «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению» от 30 августа 2012 г., добавивший условие о необходимости согласия супруга на решение женщины стать потенциальной суррогатной матерью. Предшествующий нормативный акт не содержал

данного условия, порождая причины для множественных исков о расторжении брака [21, с. 32].

В Российской Федерации недостаточно хорошо проработано законодательство в области суррогатного материнства, но, несмотря на это, Россия является одной из стран, где данная процедура достаточно популярна. Однако в связи с правовым запретом выступать заказчиками услуг суррогатного материнства для иностранцев в Российской Федерации [24] будет остановлен поток репродуктивных туристов, а следовательно, снизится процент обращающихся в российские клиники по данному вопросу.

С одной стороны, в России законодательно закрепляют приверженность традиционным ценностям [25], но сохраняется один из самых либеральных правовых конструкторов, легализующих суррогатное материнство, несмотря на последний запрет, касающийся иностранных заказчиков. Одновременно с этим религиозные институты в Российской Федерации имеют не только большой вес в общественных дискуссиях о морали, но и возможность реализации своих интересов в режиме *realpolitik*. Например, инициативы, направленные на ограничение абортов [26].

С другой стороны, в непростой демографической обстановке государство идет по прагматичному пути, выбирая тропу извилистого парадокса Лефора, сочетая провозглашение морально-ценностных нарративов с потенциальной демографической пользой.

В настоящем исследовании были намеренно выбраны государства, являющиеся частью христианской цивилизации. Их законодательство по данному вопросу можно в некотором смысле считать отражением восприимчивости к позициям доминирующих христианских конфессий. Необходимо отметить, что либеральность отечественного права не стоит относить к односторонности в государственно-церковном диалоге, помня о характере взаимоотношений христианских конфессий с государственной властью не только в реалиях настоящего, но и ретроспективно.

Представленное исследование, синтезируя доктринальные и современные клерикальные позиции различных христианских конфессий, а также правовую реальность государств христианской цивилизации по проблеме суррогатного материнства, показывает сложность и неоднозначность разрешения этого вопроса в рамках церковно-государственного диалога. В связи с доктринальной непримиримостью христианского мира в отношении данной технологической реальности единственной конвенциональной точкой, не снимающей проблему, но накладывающей институциональную пелену, является необходимый государству демографический рост, происходящий на территории конфессионального диоцеза. Подобный компромисс де-факто дает возможность не усложнять конфессионально-государственные отношения,

одновременно не создавая внутрицерковных проблем, способных возникнуть от признания суррогатного материнства религиозными институтами де-юре. Одновременно с этим заказчики услуги суррогатного материнства, принадлежащие к одной из указанных конфессий, выбирая путь репродуктивного туризма, снимают религиозно-этическую ответственность с государства и берут ее на себя. Этим сохраняется свободный выбор человека быть нравственным или безнравственным в оптике христианских конфессий.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Брызгалина Е.В. *Концепции современного естествознания*. Москва, Проспект, 2013, 496 с.
- [2] Корсак В.С. *Как зачать ребенка: борьба с бесплодием*. Москва, ОЛМА-пресс, 2003, 191 с.
- [3] *Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета*. Минск, Белорусский Экзархат Московского Патриархата, 2017, 1519 с.
- [4] Конгрегация доктрины веры. Инструкция «Donum Vitae». *The Holy See*. URL: https://www.vatican.va/roman_curia/congregations/cfaith/documents/rc_con_cfaith_doc_19870222_respect-for-human-life_en.html (дата обращения 15.10.2025).
- [5] Иоанн Павел II. Пасхальное обращение. *The Holy See*. URL: https://www.vatican.va/content/john-paul-ii/it/messages/urbi/documents/hf_jp-ii_mes_19870419_easter-urbi.html (дата обращения 15.09.2025).
- [6] Чернышева Ю.А. *Суррогатное материнство в РФ: уголовно-правовое, криминологическое и социально-правовое исследование*. Москва, Юрлитинформ, 2013, 195 с.
- [7] *Основы социальной концепции Русской православной церкви*. Москва, Отдел внешних церковных связей Московского патриархата, 2008, 174 с.
- [8] *Биоэтика. Руководственные документы Русской православной церкви*. Санкт-Петербург, Изд-во СПбДА, 2023, 72 с.
- [9] Горелов А. *Безошибочность. Безошибочность папы. Католическая энциклопедия. Т. 1*. Москва, Изд-во францисканцев, 2002, 1908 с.
- [10] Глава III. Архиерейский Собор. *Русская Православная Церковь*. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/133124.html> (дата обращения 15.09.2025).
- [11] Иванов М.С. Грех. *Православная энциклопедия*. URL: https://www.pravenc.ru/text/166453.html#part_13 (дата обращения: 15.09.2025).
- [12] Coutinho D. Surrogacy in the light of European Union law: brief considerations. *UNIO — EU Law Journal*. URL: https://officialblogofunio.com/2019/07/22/surrogacy-in-the-light-of-european-union-law-brief-considerations/#_edn1 (дата обращения: 13.10.2025).
- [13] Митрякова Е.С. *Проблемы правового регулирования суррогатного материнства в России. Дис. ... канд. юрид. наук*. Тюмень, 2007, 175 с.
- [14] Войтович Е.П. Международное суррогатное материнство: проблемы правоприменения. *Юридическая наука и практика*, 2016, № 2, с. 104–110.
- [15] Spivack C. The Law of Surrogate Motherhood in the United States. *The American Journal of Comparative Law*, 2010, vol. 58, pp. 97–114.
- [16] Haberman H. Baby M and the Question of Surrogate Motherhood. *The New York Times*. URL: <https://www.nytimes.com/2014/03/24/us/baby-m-and-the-question-of-surrogate-motherhood.html> (дата обращения: 13.09.2025).

- [17] Чеченкова Е.В., Зарянкина А.И., Моторенко Н.В. Отношение мировых религий к суррогатному материнству. *Проблемы здоровья и экологии*, 2022, № 2, с. 5–11.
- [18] Mascarenhas M., Flaxman S., Boerma T., Vanderpoel S., Stevens G. National, Regional, and Global Trends in Infertility Prevalence Since 1990: A Systematic Analysis of 277 Health Surveys. *PLOS Medicine*, 2012, vol. 9, pp. 1–12.
- [19] Mitrossili M. Medically assisted reproduction. «Application of medically assisted reproduction» act. *Arch Hellen Med*, 2007, vol. 24, pp. 612–622.
- [20] République française au nom du peuple français. *Cour de Cassation, Assemblée plénière, du 31 mai 1991, 90-20.105, Publié au bulletin*. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/juri/id/JURITEXT000007026778> (дата обращения: 13.10.2025).
- [21] Герасимов А.В., Афанасьева А.Ю. Проблемы суррогатного материнства по российскому законодательству. *Вестник КРУ МБД России*, 2014, № 4, с. 30–32.
- [22] Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323–ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». *Консультант Плюс*. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/ (дата обращения: 13.10.2025).
- [23] Кручинин С.В., Пирматова В.Р. Суррогатное материнство: проблемы договорного регулирования. *Новые технологии — нефтегазовому региону*, 2015, № 2, с. 236–240.
- [24] Федеральный закон от 19 декабря 2022 г. № 538–ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». *Консультант Плюс*. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_434588/ (дата обращения: 13.10.2025).
- [25] Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». *Президент России*. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502?erid=LjN8K8S> (дата обращения: 13.10.2025).
- [26] Выступление Святейшего Патриарха Кирилла на XII Рождественских Парламентских встречах в Совете Федерации РФ. *Русская Православная Церковь*. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/6096443.html> (дата обращения: 07.10.2025).

Статья поступила в редакцию 18.12.2025

Ссылку на эту статью просим оформлять следующим образом:

Брызгалина Е.В., Гончаренко А.В. Меж двух жерновов: суррогатное материнство в оптике христианской религиозной этики и светского права. *Гуманитарный вестник*, 2026, вып. 1. EDN OTQJTK

Брызгалина Елена Владимировна — канд. филос. наук, доцент, заведующая кафедрой философии образования философского факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. e-mail: evbrz@yandex.ru

Гончаренко Артем Владимирович — магистрант философского факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. e-mail: arty.goncharenko@yandex.ru

Caught Between Two Mills: Surrogacy in the Perspective of Christian Religious Ethics and Secular Law

© E.V. Bryzgalina, A.V. Goncharenko

Lomonosov Moscow State University, Moscow, 119991, Russia

Surrogacy is examined through the lens of Christian religious teachings and legal norms. Hidden contradictions arising from the clash between ethical-religious views and contemporary legal approaches are analyzed. Special attention is given to the positions of Christian denominations regarding the use of assisted reproductive technology for surrogacy, as well as to the identification of conflicts between religious canons and secular law. International and national legal practices in regulating surrogacy are discussed in detail, with examples from the USA, Europe, and Russia, highlighting legislative gaps and difficulties in law enforcement. The study demonstrates how differences in religious-ethical approaches significantly influence the formation of regulatory models — from total prohibition to liberal approaches. Possible avenues for mutual understanding between secular states and religious denominations are proposed.

Keywords: surrogacy, reproductive rights, religious ethics, legal regulation, bioethics, assisted reproductive technologies, family law, religious norms, human rights

REFERENCES

- [1] Bryzgalina E.V. *Kontseptsii sovremennogo estestvoznaniya* [Concepts of modern natural science]. Moscow, Prospekt Publ., 2013, 496 p.
- [2] Korsak V.S. *Kak zachat rebenka: borba s besplodiem* [How to conceive a child: combating infertility]. Moscow, OLMA-Press, 2003, 191 p.
- [3] *Biblia. Knigi Svyaschennogo pisaniya Vetkhogo i Novogo zaveta* [The bible: books of the old and new testaments]. Minsk, Belarusskiy Ekzarkhat Moskovskogo Patriarkhata Publ., 2017, 1519 p.
- [4] Kongregatsiya doktriny very. Instruktsiya “Donum Vitae” [Congregation for the Doctrine of the Faith. Instruction “Donum Vitae”]. *The Holy See*. Available at: https://www.vatican.va/roman_curia/congregations/cfaith/documents/rc_con_cfaith_doc_19870222_respect-for-human-life_en.html (accessed October 15, 2025).
- [5] Ioann Pavel II. Paskhalnoe obraschenie [Easter message]. *The Holy See*. Available at: https://www.vatican.va/content/john-paul-ii/it/messages/urbi/documents/hf_jp-ii_mes_19870419_easter-urbi.html (accessed September 15, 2025).
- [6] Chernysheva Yu.A. *Surrogatnoe materinstvo v RF: ugovno-pravovoe, kriminologicheskoe i sotsial'no-pravovoe issledovanie* [Surrogacy in the Russian Federation: criminal-legal, criminological, and socio-legal study]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2013, 195 p.
- [7] *Osnovy sotsialnoy kontseptsii Russkoy pravoslavnoy tserkvi* [Foundations of the social concept of the Russian Orthodox Church]. Moscow, Department for External Church Relations of the Moscow Patriarchate, 2008, 174 p.
- [8] *Bioetika. Rukovodstvennye dokumenty Russkoy pravoslavnoy tserkvi* [Bioethics: guiding documents of the Russian Orthodox Church]. Saint Petersburg, Saint Petersburg Theological Academy Publ., 2023, 72 p.

- [9] Gorelov A. *Bezoshibochnost. Bezoshibochnost papy* [Infallibility. The Infallibility of the Pope]. *Katolicheskaya entsiklopediya* [Catholic encyclopedia]. Vol. 1. Moscow, Franciscan Publ., 2002, 1908 p.
- [10] Glava III. Arkhiereyskiy sobor [Chapter III. The Episcopal council]. *Russian Orthodox Church*. Available at: <http://www.patriarchia.ru/db/text/133124.html> (accessed September 15, 2025).
- [11] Ivanov M.S. Grekh [Sin]. *Pravoslavnyaya entsiklopediya* [Orthodox encyclopedia]. Available at: https://www.pravenc.ru/text/166453.html#part_13 (accessed September 15, 2025).
- [12] Coutinho D. Surrogacy in the light of European Union law: brief considerations. *UNIO — EU Law Journal*. Available at: https://officialblogofunio.com/2019/07/22/surrogacy-in-the-light-of-european-union-law-brief-considerations/#_edn1 (accessed October 13, 2025).
- [13] Mitryakova E.S. Problemy pravovogo regulirovaniya surrogatnogo materinstva v Rossii: Dis. ... kand. yur. nauk [Problems of legal regulation of surrogacy in Russia: Diss. ... Cand. Sc. (Juridical)]. Tyumen, 2007, 175 p.
- [14] Voytovich E.P. Mezhdunarodnoe surrogatnoe materinstvo: problemy pravoprimereniya [International surrogacy: problems of law enforcement]. *Yuridicheskaya nauka i praktika — Juridical Science and Practice*, 2016, no. 2, pp. 104–110.
- [15] Spivack C. The Law of Surrogate Motherhood in the United States. *The American Journal of Comparative Law*, 2010, vol. 58, pp. 97–114.
- [16] Haberman H. Baby M and the Question of Surrogate Motherhood. *The New York Times*. Available at: <https://www.nytimes.com/2014/03/24/us/baby-m-and-the-question-of-surrogate-motherhood.html> (accessed September 13, 2025).
- [17] Chechenkova E.V., Zaryankina A.I., Motorenko N.V. Otnoshenie mirovykh religiy k surrogatnomu materinstvu [Attitude of world religions to surrogacy]. *Problemy zdoroviya i ekologii — Health and Ecology Issues*, 2022, no. 2, pp. 5–11.
- [18] Mascarenhas M., Flaxman S., Boerma T., Vanderpoel S., Stevens G. National, Regional, and Global Trends in Infertility Prevalence Since 1990: A Systematic Analysis of 277 Health Surveys. *PLoS Medicine*, 2012, vol. 9, pp. 1–12. e1001356. doi: 10.1371/journal.pmed.1001356.
- [19] Mitrossili M. Medically Assisted Reproduction. “Application of Medically Assisted Reproduction” Act. *Arch Hellen Med*, 2007, vol. 24, pp. 612–622.
- [20] République française au nom du peuple français. Cour de Cassation, Assemblée plénière, du 31 mai 1991, 90-20.105, *Publié au bulletin*. Available at: <https://www.legifrance.gouv.fr/juri/id/JURITEXT000007026778> (accessed October 13, 2025).
- [21] Gerasimov A.V., Afanas'eva A.Yu. Problemy surrogatnogo materinstva po rossiyskomu zakonodatel'stvu [Problems of surrogacy under Russian legislation]. *Vestnik KRU MVD Rossii*, 2014, no. 4, pp. 30–32.
- [22] Federal'nyy zakon ot 21 noyabrya 2011 g. № 323-FZ «Ob osnovakh okhrany zdorov'ya grazhdan v Rossiyskoy Federatsii» [Federal law No. 323-FZ of November 21, 2011 “On the fundamentals of health protection of citizens in the Russian Federation”]. *Consultant Plus*. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/ (accessed October 13, 2025).
- [23] Kruchinin S.V., Pirmatova V.R. Surrogatnoe materinstvo: problemy dogovornogo regulirovaniya [Surrogacy: Problems of Contractual Regulation]. In: *Novye tekhnologii — neftegazovomu regionu* [New Technologies for the Oil and Gas Region]. 2015, pp. 236–240.

- [24] Federalnyy zakon ot 19 dekabrya 2022 g. № 538-FZ «O vnesenii izmeneniy v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiyskoy Federatsii» [Federal law No. 538-FZ of December 19, 2022 “On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation”]. *Consultant Plus*. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_434588/ (accessed October 13, 2025).
- [25] Ukaz Prezidenta RF ot 9 noyabrya 2022 g. № 809 “Ob utverzhdenii osnov gosudarstvennoy politiki po sokhraneniyu i ukrepleniyu traditsionnykh rossiyskikh dukhovno-nravstvennykh tsennostey” [Decree of the President of the Russian Federation No. 809 of November 9, 2022 “On the Approval of the foundations of state policy for the preservation and strengthening of traditional Russian spiritual and moral values”]. *President of Russia*. Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502?erid=LjN8K8S> (accessed October 13, 2025).
- [26] Vystuplenie svyateyshego Patriarkha Kirilla na XII rozhdestvenskikh parlament'skikh vstrechakh v Sovete Federatsii RF [Address of his holiness Patriarch Kirill at the 12th Christmas parliamentary meetings in the Federation council of the Russian Federation]. *Russian Orthodox Church*. Available at: <http://www.patriarchia.ru/db/text/6096443.html> (accessed October 7, 2025).

Bryzgalina E., Cand. Sc. (Philosophy), Associate Professor, Head of the Department of Philosophy of Education, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University. e-mail: evbrz@yandex.ru

Goncharenko A., Master's student at the Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University. e-mail: arty.goncharenko@yandex.ru